

*Лакунова Д.Р.,
Северо-Кавказская академия управления,
Тайсаев Д.М., кандидат философских наук, доцент,
Северо-Кавказский государственный институт искусств*

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ АБХАЗО-АДЫГОВ

Аннотация: в статье рассматриваются архаичные абхазо-адыгские религиозные культы и обряды, в контексте межкультурной синкретичности. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа абхазо-адыгских культов выявляется, что многие из них не следует рассматривать в отрыве от древнейших представлений многих народов, корни которых восходят к анимистическим представлениям о взаимосвязи души, духов и человека. Через погребальные обряды мы можем увидеть особый трансцендентный мир наших предков, которые дошли до нас в виде знаков и символов, культурных кодов. В статье рассматриваются, концепт души у абхазо-адыгских народов, отношение к похоронно-поминальной пище и связанные с ней запреты, а так же воздушное захоронение и обряд «вылавливания души», как обряды, передающие нам особый сакральный код. Похоронные обряды и ритуалы абхазо-адыгов, как одни из самых важных элементов традиционной культуры, являются хранителями сакральных кодов народов. Для выявления этих кодов необходима реконструкция некоторых вышедших из обихода похоронных обрядов, а также детальное описание современных. Несмотря на то, что многие обряды трансформировались под влиянием христианства и ислама, трансцендентная основа сохранилась почти в неизменном виде, чему способствовали сами народы, для которых обряды и ритуалы служили коммуникацией, неким хранилищем культурных кодов, которая является основой жизненного уклада и развития традиционной культуры. С помощью этих обрядов мы можем увидеть особый трансцендентный мир наших предков.

Ключевые слова: религиозный культ; погребальная практика; культ покойника; анимистические представления; поминальная пища; поминальные обряды; табу; традиционное мировоззрение; мифорелигиозное сознание; воздушное захоронение; абхазо-адыги

1. Введение.

Исследование обрядовой практики и ритуалов традиционных культур во многих отношениях является актуальным. Как и во многих культурах, обряды у абхазо-адыгов являются не только частью духовной культуры, но и устойчиво удерживаясь в традиционной культуре, могут косвенно ответить на вопросы о древнейших формах верований.

Можно сказать, что обряды и ритуалы у абхазо-адыгов, покоились на иррациональной, магической основе. Исследования в области культовой практики дают нам основание полагать, что культы не следует рассматривать как отдельные друг от друга явления, так как специфика каждого из них раскрывается в их тесной взаимосвязи.

Так, например, культ покойника и связанные с ним погребальные обряды ученые связывают с анимизмом, аниматизмом, и многими другими культурами, связанными с верой в существование души [10, с 155].

2. Концепт души у абхазо-адыгских народов.

Примечательно, что в абхазо-адыгских языках души природы, души живых и мертвых носят одно название «псэ» – душа. По их представлениям, все живое является носителем души и все имеет неопределенное сверхъестественное духовное начало. Дословный перевод слова «жизнь» с абхазско

и адгского, звучит как-то, что «содержит душу». Смерть наступает тогда, когда душа покидает тело. В представлениях абхазов, душа нужна человеку и на том свете, она не должна блуждать где-нибудь вдали от него и ей нельзя надолго разлучаться с телом [6]. Эти представления порождали много обрядов, в частности существовал обряд «вылавливания души», суть которого заключалась в воссоединении души с телом умершего. Если человек погиб в горах или утонул в воде, а труп был перенесён и похоронен в родовом кладбище, то считалось обязательным воссоединить душу с телом. Для того чтобы найти душу умершего, через несколько дней, после погребения тела погибшего, отправляются торжественной процессией к месту гибели. С собой приносят новый козий бурдюк, вешают на шелковом шнурке у места гибели и играют красивые мелодии на свирели, при этом прося «владыку этих гор» вернуть душу. Если бурдюк от вошедшего в него воздуха раздуется, это принимается за верный признак того, что душа вошла в бурдюк. Его перевязывают шнурком, несут на могилу и вытряхивают, прося душу соединиться со своим телом [14, с 192-193].

Считается, что, оставшись без телесной оболочки, душа будет бродить, не имея пристанища, и ежегодно в день гибели на месте падения будет слышен голос погибшего. Так же отыскивают ду-

шу утопленника. Для этого, абхазы протягивают через речку, с одного берега на другой, шелковый шнур с новым бурдюком так, чтобы бурдюк висел посередине речки над самой водой. Народ разделяется на две группы по разным сторонам реки, а посреди речки, около бурдюка, становится самый близкий и любимый для покойника человек и ласково уговаривает душу утопленника войти в бурдюк, чтобы отправиться к месту вечного упокоения. Затем с песнями и специальными танцами люди несли завязанную в бурдюке душу на могилу [14, с 192-193].

Описанный обряд перекликается со многими другими обрядами первобытных народов. По сообщению Дж. Дж. Фрезера, у многих первобытных народов, запрещалось будить спящего, так как душа могла покинуть тело человека во время сна и не вернуться. Это могло повлечь за собой смерть или болезнь. Типологическое сходство абхазо-адыгского обряда «вылавливания душ» мы можем увидеть в примере, приведенном Фрезером. Один австралийский абориген племени Вуррунджерри лежал при смерти из-за того, что его дух отделился от него. Для вылавливания душ прибегали обычно к услугам знахарей или колдунов. Знахарь уходит на поиски души и обычно ловит ее в тот момент, когда она уже готовится погрузиться в то место, куда уходят души. Знахарь возвращает душу, завернутую в мех опоссума и кладет на умирающего. Спустя некоторое время, тот оживает. Так же для возвращения духа больному, обряд поимки души совершают некоторые конголезские племена. В данном случае, знахарь объявляет, что успешно загнал душу на ветку дерева. Затем жители вместе с ним идут к этому дереву, ломают эту ветку, на которой как предполагается находится дух, и приносят в хижину больного. Ветку и больного ставят рядом, знахарь произносит молитвы и душа возвращается в тело [12, с 178-179]. Таких примеров, где душу «ловят» или пытаются удержать в теле, в ритуальной практике многих первобытных племен можно встретить во множестве. В данном случае нас интересует идейное сходство ритуалов, связанных с душой. Известно, что с помощью колдовства и магии душу можно было извлечь из тела и против ее воли. А иногда, душе покойника приписывались свойства, по которым он мог забрать с собой души живых людей. В абхазском похоронном обряде, когда через крышу дома перекидывали веревку и тянули за ее концы, ясно прослеживается попытка «связать» души других членов семьи покойника, чтобы тот не забрал их с собой. Схожий обряд описывается и в «Золотой ветви». Во время похоронных обрядов, Карены (группа народов на юге и юго-востоке Мьянмы и северо-западе Таиланда) привязывали

своих детей к определенной части дома специальной веревкой и держали на привязи до тех пор, пока процессия не исчезнет из виду. Это они делали из боязни, что души детей, выйдут из своих тел и войдут в труп [12, с 180]. Именно из-за таких соображений возможно, и абхазы и адыги, запрещали ходить беременным женщинам на похороны. Многие народы верят, что душа человека пребывает в его зеркальном отражении. По абхазо-адыгским обычаям, в доме, где умер человек, закрывают все зеркала в доме белой тканью, либо поворачивают к стене до 40 дней. Как оказалось, этот обычай широко распространен и у многих других народов. Можно предположить, что объяснением этому является боязнь того, что душа человека, отражающаяся в зеркале, может быть унесена духом покойника [12, с 187].

Многие народы мира воспринимали загробную жизнь как продолжение земной. И в связи с этими возникли представления, что покойника надо снабдить всем тем, что было у него при жизни [15, с 330]. Все похоронные действия абхазо-адыгов, были направлены на удовлетворение души покойника. Возникновение особой поминальной пищи в виде сладостей, лепешек, жертвенного животного, а так же наличие значительного количества мегалитических культовых сооружений: дольменов, кромлехов и менгиров, каменных ящиков-саркофагов, гротов, объединенных в одну дольменную культуру, и появление оригинальных способов захоронения в виде плетеных корзин, деревянных сосудов могут свидетельствовать об этом.

3. Значение похоронно-поминальной пищи у абхазо-адыгов.

Приготовлению и распределению ритуальной пищи уделялось большое внимание в среде абхазов и адыгов, так как это воспринималось как кормление покойника. Мужчинам принадлежало все, что касается жертвоприношения, а именно закалывание и разделка туши. А женщины, в свою очередь, имели дело с сакральной церемонией приготовления и распределения ритуальной пищи. Важно отметить, что женщины, не могли использовать какие-либо приспособления, а только исключительно своими руками должны были готовить ритуальную еду [2, с 13]. Все, что готовится «для покойника», пришедшие на поминки родственники должны есть руками без использования каких-либо атрибутов. В ином случае считается, что пища «не дойдет до души» покойника.

Стоит упомянуть, что женщине во время менструаций запрещается подходить, помешивать и вообще иметь какое-либо отношение к приготовлению ритуальной пищи. Существование такого рода табу, вероятно, уходит корнями в глубокую древность, когда женщина в определенные дни

считалась нечистой, и ее прикосновение к священной пище воспринималось как осквернение. Возможно с этим суеверием связан и обычай, который бытовал у адыгов – поминальная пища не готовится в семье умершего в течении трех дней. Эту роль на себя берут соседи или родственники. Предписание, когда людям, находившихся в контакте с мертвецом, запрещается прикасаться к пище, распространено у многих народов мира. Так, на островах Самоа, люди, которые ухаживали за покойником, тщательным образом избегали иметь дело с пищей. Их кормили другие [11, с 200]. По сообщению Фрезера, считалось, что в случае нарушения этого правила, бог домашнего очага наказывал виновников облысением и выпадением зубов. Известно, что абхазы гасили огонь в очаге на три дня, и даже в самые морозные дни огня не разводили, когда умирал человек. Этот траурный ритуал связывает душу умершего с домашним очагом и его огнем.

Табу, возлагаемое на тех, кто имел соприкосновение с покойником, так же выражается в том, что, придя в дом с похорон, обязательным считается мыть руки, передевать одежду, прикладывать руки к дереву, с просьбой забрать негативную энергию и отдать ее земле. То есть проводить своего рода «очищение» от злых духов и негативной энергии.

С восприятием покойника, как нечто «нечистого», иногда связывают воздушное захоронение абхазо-адыгов, сравнивая этот похоронный обряд с таким же обрядом маздеистов, где труп считали нечистым, и поэтому не должен был соприкасаться с чистыми стихиями или культурами, такими как вода, земля и огонь [1, с 72]. По зороастрийской традиции воздушные погребения совершались в «башнях тишины», которые представляли собой обнесенный стеной помост под открытым небом. Известно, что его оставляли открытым, чтобы стервятники могли быстро уничтожить плоть [1]. Такое отношение к умершему, как к объекту «нечистоты», по нашему мнению, трудно соотноситься с мировосприятием абхазо-адыгов. Существование множества разных поминальных обрядов, ритуальное кормление покойника, траурные процессии все это свидетельствует о том, что покойник не только не воспринимался как нечто нечистое, а наоборот, сопереживание его душе были настолько значимы, что впоследствии появился даже некий культ покойников у абхазо-адыгов, впоследствии приведший к сакрализации мест погребения.

4. Об обрядах воздушного погребения у абхазо-адыгских народов.

По нашему мнению, в один ряд с перечисленными культурами можно поставить также и обряд

воздушного погребения у абхазо-адыгских племен. По мнению многих исследователей, данный обряд тесно переплетался с друидизмом, имеющем место в ритуальной практике абхазо-адыгов. По интерпретации ученых, смыслом данного ритуала является передача души и тела умершего своему первопредку – дереву, от которого произошли все люди [13]. Это мнение можно подвергнуть сомнению. Во-первых, вопрос о существовании у абхазо-адыгов друидизма, в настоящее время остается открытым. Несомненно, что в традиционном мировоззрении данных народов существовало и имело огромное значение почитание деревьев. Но можно ли говорить здесь о «чистом» поклонении, в ранге особого культа? Во-вторых, если даже предположить, что у абхазо-адыгов был друидизм, то обряд воздушного погребения носил бы повсеместный характер, и он распространялся на всех покойников. Но известно, что такому погребению подвергались не все, а только избранные, и что наряду с воздушным погребением существовали и другие виды захоронения. И наконец, в-третьих, этот обряд является одним из древнейших способов захоронения и вероятно восходит к временам наиболее древним, когда человек руководствовался не религиозными соображениями, а инстинктивными. Например, такой обычай существовал до недавнего времени у многих народов Сибири. А так же у алтайских тюрков, у иркутских бурят, у тунгус, у якут и т.д. Последние кстати, с течением времени этим способом стали хоронить только шаманов и детей. Ненцы умерших детей подвешивали в ящиках к деревьям, либо хоронили в дуплистых деревьях [14, с 202-203]. В древности мокшане (этническая группа мордвы) умерших хоронили в лубе (кер), в который заворачивали тело и подвешивали на дереве, такое захоронение называлось урля или уркспря. На лесных кладбищах, из четырех рядом растущих деревьев делали сруб и помещали труп на его пни. Воздушное погребение было распространено также в Грузии и у басков, у японцев, корейцев, китайцев.

Ученые по-разному интерпретируют смысл и истоки «воздушного погребения». Но и археологические данные, и данные истории, этнографии и фольклора многих народов свидетельствуют о том, что тела подвергали воздушному погребению для полного истлевания организма, для того, чтобы в дальнейшем подвергнуть их вторичному захоронению, где кости, собранные после воздушного захоронения, укладывались на дно могилы. Вторичный обряд погребения мог иметь различные варианты: укладывание длинных костей и черепа на дно могилы в порядке, близком к анатомическому, а так же захоронение в могиле разроз-

ненных костей без анатомического порядка, кучкой. Разновидности вторичных захоронений зависели от количества времени, прошедшего между воздушным погребением и сбором костей, от природных и климатических условий в этот период, от степени разрушения трупа и скелета животными, птицами и насекомыми. В связи с этим, у разных народов существовали различия в сроках скелетирования, но в основном это 8-10 месяцев [7]. Некоторые абхазские ученые придерживаются аналогичного мнения, считая, что обряд воздушного погребения у абхазо-адыгских народов неразрывно связан своим генезисом с погребальными культурами народов кавказской дольменной культуры. Поминальные обряды духа предков совершались перед фасадом дольмена или внутри кромлеховидных оград (Отхара), так как характерным для дольменной культуры этих народов было «вторичное» захоронение лишь крупных костей и черепов (неоднократно обнаруженных археологами внутри дольменов), оставшихся после первичных «воздушных захоронений» на деревьях [3, 9]. Эта гипотеза, по нашему мнению является наиболее перспективной. Здесь следует остановиться на взаимоотношении человека и его души по абхазо-адыгским воззрениям, где самым главным в человеке считается его душа, носительница жизни человека, а тело человека является временной оболочкой для души. Дабы избавиться от временной оболочки – плоти, выставляется на помосте до очищения ее, затем подвергается захоронению, для того чтобы душа и тело вновь соединились. Подтверждением данной мысли является факт существования небольших площадок у охотников, куда они складывали кости убитых и съеденных ими диких животных. Это был акт, выра-

жающий сакральное отношение к костям животных, дабы дробление костей было табуированным [5]. Интересно, что в языке абхазо-адыгов сохранилось косвенное тому подтверждение. В современном абазинском языке есть выражение «сыбыгьква адгьыл йартхуашд», что в буквальном переводе означает «мои кости предадут земле». По нашему мнению это не есть метафоричная фраза, а отражающая глубинный пласт языка, который прямо указывал на то, что плоть отделялась от костей и захоранивались только кости.

5. Заключение.

Таким образом, вырисовывается следующая картина, традиционные культы и обряды абхазо-адыгов, в частности культ мертвых, культ души, погребальные обряды, не являются уникальными в своем роде, а восходят к древнейшим представлениям многих племен. Более того, данные культы не следует рассматривать в отрыве друг от друга, так как выявлено, например, что культ предков связан с анимистическими представлениями, из которого вытекают и ритуальная и погребальная практика. Так, например, исследуя аналогичные обряды, связанные с культом мертвых у многих других народов, в частности сибирских, было выявлено, что обряд воздушного погребения абхазо-адыгов не связан ни с бытовавшими друидическими представлениями, ни с зороастрийской традицией очищения огнем трупа. Он имеет более глубокие корни, уходящие в древнейшие представления о взаимосвязи плоти человека и души, которые должны обязательно воссоединиться в потустороннем мире, подтверждением которого являются многие другие обряды, описанные в статье, такие как «вылавливание души покойника» и многие другие.

Литература

1. Ахохова Е.А. Адыгский религиозный синкретизм. М.: 1996. 161 с.
2. Ахохова Е.А., Катанчиев З.М., Нагоева Л.А. Социальная и магическая семиотика женских культов в абхазо-адыгской культуре // Издательство «Грамота». Тамбов, 2015. С. 27 – 32.
3. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. М., 2007. 392 с.
4. Вундт В. Миф и религия. Издательство «Издание Брокгауз-Ефрон». СПб., 1913. 416 с.
5. Дбар С.А. Исторические формы захоронений у абхазов Кавказ // История, культура, традиции, языки. Сухум., 2003. С. 275 – 286.
6. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. 439 с.
7. Нестеров С.П. Этнокультурная история народов Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 2001. 477 с.
8. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
9. Тайсаев Д.М. Этногенез народов Кавказа: Монография. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. 204 с.
10. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
11. Толанд Дж. Избранные сочинения. М., 1927 г.
12. Фрэнгер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: пер. с англ. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

13. Хотхо Б.С. Жилищно-коммуникальное хозяйство. Домоводство. Бытовое обслуживание // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. Выпуск №1.
14. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Абхазское государственное издательство. Сухуми., 1957. 260 с.
15. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Издательство: Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 600 с.

References

1. Ahohova E.A. Adygskiy religioznyj sinkretizm. M.: 1996. 161 s.
2. Ahohova E.A., Katanchiev Z.M., Nagoeva L.A. Social'naja i magicheskaja semiotika zhenskih kul'tov v abhazo-adygskoj kul'ture // Izdatel'stvo «Gramota». Tambov, 2015. S. 27 – 32.
3. Bgazhba O.H., Lakoba S.Z. Istorija Abhazii s drevnejshih vremen do nashih dnei. M., 2007. 392 s.
4. Vundt V. Mif i religija. Izdatel'stvo «Izdanie Brokgauz-Efron». SPb., 1913. 416 s.
5. Dbar S.A. Istoricheskie formy zahoronenij u abhazov Kavkaz // Istorija, kul'tura, tradicii, jazyki. Suhum., 2003. S. 275 – 286.
6. Inal-ipa Sh.D. Voprosy jetnokul'turnoj istorii abhazov. Suhumi: Alashara, 1976. 439 s.
7. Nesterov S.P. Jetnokul'turnaja istorija narodov Priamur'ja v jepohu rannego srednevekov'ja. Novosibirsk, 2001. 477 s.
8. Tajlor Je.B. Pervobytnaja kul'tura: per. s angl. M.: Politizdat, 1989. 573 s.
9. Tajsaeв D.M. Jetnogenez narodov Kavkaza: Monografija. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh (ООО «Poligrafservis i T»), 2015. 204 s.
10. Tokarev S.A. Rannie formy religii. M.: Politizdat, 1990. 622 s.
11. Toland Dzh. Izbrannye sochinenija. M., 1927 g.
12. Frjezer D.D. Zolotaja vetv': Issledovanie magii i religii: per. s angl. 2-e izd. M.: Politizdat, 1986. 703 s.
13. Hotho B.S. Zhilishhno-kommunikal'noe hozjajstvo. Domovodstvo. Bytovoje obsluzhivanie // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2011. Vypusk №1.
14. Chursin G.F. Materialy po jetnografii Abhazii. Abhazskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. Su-humi., 1957. 260 s.
15. Shternberg L.Ja. Pervobytnaja religija v svete jetnografii. Izdatel'stvo: L.: Institut narodov Severa CIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. 600 s.

*Lakunova D.R., Deputy Dean,
North Caucasus Academy of Management,
Taysaev G.M., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
North-Caucasian State Institute of Arts*

FUNERARY PRACTICE AS A REFLECTION OF CULTURAL CODES ABKHAZ-CIRCASSIANS

Abstract: the article deals with the archaic Abkhazian-Circassian religious rites and ceremonies, in the context of intercultural syncretic. In the course of comparative analysis of the Abkhaz-Adyge cults reveals that many of them should not be considered in isolation from the earliest representations of many peoples, whose roots date back to the animistic conception of the relationship of the soul, spirits and humans. After the funeral rites, we can see a special transcendental world of our ancestors who came to us in the form of signs and symbols.

Keywords: religious cult; funerary practices; animistic ideas; traditional outlook; mytho-religious consciousness; Abkhaz-Adygi